

ДИНА ДАНИЧ

В ПЛЕНУ ЕГО
СТРАСТИ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Д18

Данич, Д.

Д18 В плену его страсти / Д. Данич. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 266 с. — (Черно-белое).

ISBN 978-5-521-90701-4

Когда мать выгнала меня из дома, я была вынуждена пойти работать горничной к одинокому богатому мужчине, чтобы спастись от преследований отчима.

Мрачный, циничный и нелюдимый, он тщательно скрывает свою тайну от всех. Но что если я ее разгадаю и найду его слабое место? Отпустит ли он меня после этого или я так и останусь в его плену?

BIC FRD
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-521-90701-4

© Д. Данич, текст, 2024
© А. Рябова, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ПРОЛОГ

Машина тормозит прямо посреди проселочной дороги.

— Вылезай, — командует водитель.

— Прямо здесь? — нервно спрашиваю, озираясь по сторонам. Ничего же нет вокруг — только лес, да и все.

— Прямо здесь, — подтверждает тот.

— Вы перепутали, — испуганно говорю. — Мне сказали, я буду работать горничной в доме и...

— Будешь, — соглашается он. — Только до дома придется ножками топать.

— Почему? — наивно спрашиваю я.

— Не расчищено.

Стараюсь разглядеть в окно, правда ли это, но никак не выходит.

— И как же мне тогда дойти?

— Впереди будет тропинка. Пешком самое то. Вот, держи, — он оборачивается ко мне и протягивает что-то.

— Магнитный ключ от двери и сигналка для охранной системы.

— Там опасно? — нервно уточняю.

— Хозяин не любит, когда его беспокоят, — тер-

пеливо объясняет водитель. — Поэтому охрана серьезная. Так что сбежать не выйдет. Если передумала, говори сейчас.

Водитель выжидающе смотрит, а я молчу. Но что сказать? Нет у меня особых вариантов. Жить мне негде — мать выгнала из дома, решив, что я пыталась отчима соблазнить, из друзей пустить к себе некому, а ютиться в подсобке и сутками мыть посуду — так себе вариант.

Здесь же обещали достойную оплату и крышу над головой. Да, работы будет много, но, по крайней мере, отчим тут меня не найдет.

— Не передумала, — говорю. — Спасибо за помощь.

Хватаю сумку и выбираюсь на улицу. Холодный ветер тут же задувает под ворот. Заматываю шарф и оборачиваюсь к машине. Вижу, как мужчина кивает мне, и все же иду по дороге.

Страшно ли мне? Очень. Если окажется, что никакого дома нет, я здесь замерзну до смерти. Но и вернуться — значит, все время оборачиваться и бояться.

Дорога занимает немало времени. Наступает момент, когда я начинаю отчаиваться. Тем более что понемногу темнеет. Зарядка на моем стареньком телефоне садится, так что скоро у меня не будет даже фонарика. К тому же я начинаю довольно ощутимо мерзнуть.

И когда паника уже захватывает меня, впереди показывается что-то темное. Пытаюсь разглядеть, но выходит не очень. Ускоряюсь изо всех сил, вязну в снегу, мысленно ругаясь на моего работодателя за то, что не чистит дорогу. Конечно, тут машина бы проехать не смогла.

То, что это высокий забор, понимаю только метров через тридцать. А может, и больше.

К этому моменту единственное, о чем я мечтаю — попасть в тепло. Стараюсь торопиться, но сил почти не остается. Если бы было можно, я бы плюнула и поползла, но останавливает мысль о том, что тогда промокну окончательно.

Добравшись до малозаметной калитки, не могу сдержать радостного вздоха. Наконец-то!

Окоченевшими руками достаю ключ-карту, прикладываю и вижу, как лампочка сменяется с красной на зеленую.

Толкаю дверь и осторожно прохожу внутрь. Здесь как раз полная противоположность тому, что творится за забором, весь снег утоптан, а территория расчищена.

Выдыхаю с облегчением и, прикрыв дверь, иду вперед, оглядываясь по сторонам. Дом довольно большой. Два этажа, но выглядит очень массивно. Дорожка, фонари, подсветка. Все довольно ухоженное и не заброшенное. А еще красивое.

Учитывая погоду, вообще похоже на зимнюю сказку. Настолько, что я невольно притормаживаю и разглядываю красивую голубую ель с длинными пушистыми ветками.

Здесь такая поразительная тишина, что очень непривычно после города. Пока шла по дороге, все думала — не обманули ли меня? Было как-то не до осмотра достопримечательностей. Но сейчас немного расслабляюсь и с интересом разглядываю место, где буду теперь жить.

Наниматель сказал, что главное не обижаться на хозяина дома — у того довольно скверный характер, и не

надо принимать близко к сердцу его слова. А с этим problem нет, учитывая то, как постоянно унижал и словесно цеплял меня отчим.

— Ты кто такая? — резко раздается позади мужской голос.

Вздрагиваю от неожиданности. Оборачиваюсь и замираю на месте.

На крыльце стоит огромный широкоплечий мужчина и смотрит так, словно я воровка. Но даже не это больше всего меня пугает, а то, что у него в руках ружье...

1. АЛИКА

— Мама, это неправда! — мой голос дрожит, а щека все еще горит от пощечины, которую она только что влепила мне.

— Неправда? — шипит она на меня, наступая. — Неправда, что ты крутила задницей перед Эдиком? Неблагодарная дрянь! Я тебя растила, одевала, обувала, и так ты мне отплатила?

— Но я ничего не делала! — пытаюсь хоть как-то донести до нее, что отчим лжет! — Я не...

И тут же получаю еще одну оплеуху, отчего в глазах слегка плывет.

— Ты малолетняя шлюха! Пошла вон из нашего дома!

Ее лицо некрасиво искажается, и я не могу поверить, что это моя мама. Женщина, которая родила меня и которая должна всегда быть на моей стороне.

— Мам... — всхлипываю, прижимая ладонь к горячей щеке. — Клянусь, я бы никогда...

— Пошла вон!

Перевожу взгляд ей за спину — там стоит отчим и насмешливо скалится. Все случилось так, как он и обещал, она мне не поверила. А ведь я была уверена, что мама ни за что не ударит меня, ни за что не посчитает предательницей.

Я же ничего не делала! Наоборот, старалась не пересекаться с этим неприятным человеком, который появился в нашей жизни не так давно.

Мама влюбилась как кошка, хотя мне этот Эдуард сразу не понравился. Но она отмахивалась от всех моих просьб быть осторожнее. Что-то он такое делал с ней, что она его буквально боготворила.

Я не понимала, за что! Эдуард был весьма неприятным типом. До моих восемнадцати лет он особо меня не трогал. Только довольно жестко пресекал любые прогулки с друзьями. Мама, которая раньше была довольно лояльна ко многим вещам, во всем с ним соглашалась, и в итоге, кроме учебы, я не знала совершенно ничего.

И очень злилась, даже пару раз сбегала из дома в пику матери и отчиму. Как итог, после я получала еще более жесткое наказание. Дошло до того, что он высек меня ремнем, а мама... Она тогда сказала, что я обязана слушаться главу семьи. И что я их позорю.

Но все же между нами не было все настолько плохо — отчим довольно часто отлучался в командировки, и тогда жизнь становилась на порядок лучше. Мама будто вспоминала о своих обязанностях родительницы, вела себя куда мягче со мной. Правда, постоянно твердила при этом, что мужчина — глава семьи и женщина должна уметь слушаться. Уговаривала быть терпимее к Эдику — ведь он просто хочет вырастить меня хорошим человеком.

Так мы и жили до моего восемнадцатилетия.

После него отчим впервые зажал меня на кухне. Не трогал, но делал все, чтобы я его намеки расценила верно.

Это было так гадко и страшно, что я пригрозила все рассказать маме. Даже за нож схватилась. А он ловко скрутил меня, обезоружив и прижавшись сзади так, что я поняла — он не шутил. Его и правда возбуждала эта игра.

— Либо ты дашь мне по-хорошему, либо я превращу твою жизнь в ад, — пообещал тогда Эдик.

Я не поверила. Целую неделю делала все, чтобы не оставаться с ним наедине, и немного расслабилась. Потеряла бдительность. А он, оказывается, выжидал. Потому что поймал в самый неподходящий момент — когда мама уехала на весь день по делам, а я думала, что они отправились вместе.

Тогда отчиму почти удалось осуществить задуманное. Меня спас звонок в дверь — приехала доставка, и я просто сбежала из дома к подруге — Таньке. Наплела ей с три короба, что вышла, а дверь захлопнулась. В итоге до самого вечера просидела у нее и, только когда убедилась, что мама дома, вернулась обратно.

— Вечно бегать не выйдет, — тихо процедил отчим тогда во время ужина, пока мама раскладывала еду по тарелкам. — В итоге я свое возьму.

И вот сегодня он снова попытался меня заставить лечь под него. Я готовилась, собиралась записать наш разговор и дать послушать маме. Глупый план, который провалился, потому что силы изначально были неравны.

— Дура, она тебе не поверит, — рассмеялся Эдуард мне в лицо. Слезы уже выступили на глазах, когда вдруг вернулась мама и застала нас в весьма недвусмысленной позе. Я так обрадовалась, что попыталась отпихнуть отчима и броситься к ней, но он настолько ловко все вывернул, что теперь... Теперь я оказалась изгоем в собственном доме!

— Мама, — всхлипнула я. — Пожалуйста...

— Чтоб ноги твоей здесь не было!

Она еще и сумку мою швырнула мне в лицо вместе с пальто.

— Видеть тебя не могу, потаскушка!

Вот и все. Выскочив из квартиры, сбегая вниз на два пролета и сажусь на лестнице. Ведь идти мне некуда. Да и кому я нужна? Кроме мамы родственников нет. За своими переживаниями не сразу разбираю шаги рядом. Зато, когда понимаю, кто это, вскакиваю и хочу бежать дальше. Но крепкая хватка удерживает на месте.

— Я тебя предупреждал, сахарок, — шепчет, нагло лапая, отчим. — Теперь будет сложнее, но, если не хочешь сдохнуть на улице, будешь слушаться меня.

— Пусти! — кричу, и тут же на рот ложится широкая ладонь. Ужас плещется в крови, я пытаюсь брыкаться, но не вышла комплекцией, тогда как он огромный и сильный.

— Не пущу, Алика. Ты дашь мне. И сейчас, и потом. Столько раз, сколько я захочу. Или продам тебя в бордель, — шипит он. — Хочешь?

Мотаю головой, расслабляюсь, надеясь притупить его внимание.

Резкий хлопок двери наверху отвлекает Эдуарда, и я, пользуясь этим, толкаю его локтем и бегу вниз.

— Эдик? — где-то слышится голос мамы. Надеюсь, что отчим тормознет хотя бы из-за нее, и выбегаю из подъезда. На улице уже темнеет, и я понятия не имею, куда идти, но главное — убраться отсюда как можно дальше. Ведь если этот человек прикоснется ко мне снова — я не переживу.